

Теоретически мемуарная трилогия Брежнева по степени воздействия на советское общество могла бы посоперничать с «Кратким курсом истории ВКП (б)». «Малую землю», «Возрождение» и «Целину» так же издавали огромными тиражами, перевели на множество языков, включили в школьную и вузовскую программы. Однако на этот раз все обернулось историческим конфузом: публикация брежневских книг вызвала лишь появление целой волны анекдотов. В этих анекдотах четко отразились те причины, по которым мемуары Брежнева вызвали столь резкое неприятие.

В первую очередь читатели усомнились в авторстве Брежнева и, соответственно, в достоверности его воспоминаний. Иллюстрацией всеобщего скепсиса по поводу принадлежности

трилогии перу генсека и ее правдивости могут служить анекдоты №№ 1213 и 1217 из указателя сюжетов М. Мельниченко: «Эпиграф к мемуарной книге Брежнева: "Что-то с памятью моей стало: все, что было не со мной, помню"»; «Получив хвалебные отзывы на свою книгу от всех, кто ее прочел, Брежнев про себя: "Надо же, всем нравится. Может и мне прочитать?"»¹

Другой раздражающий фактор — явное преувеличение масштабности и значимости боев на Малой земле. На вопрос: «Что такое Великая Отечественная война?» — Брежнев будто бы отвечает: «Это маленький эпизод в битве за Малую землю»². О том же, пожалуй, самый известный анекдот брежневской серии — «Вопрос в анкете: "Воевали ли на Малой земле или отсиживались в окопах под Сталинградом?"»³.

Настаивая на особой важности сражения за Малую землю, Брежнев-мемуарист пытается приписать себе видную роль в победе над фашизмом. В анекдоте № 1231 «Сталин не утверждает планы Жукова, не посоветовавшись с полковником Брежневым»⁴.

Наконец, возмущало насильственное насаждение книг Брежнева. В одном из анекдотов мотив принудительного чтения брежневских мемуаров соседствует с подчеркиванием их лживости: «Детям предлагают писать в «Кегебеведейку», если родители не читают им любимых сказочек «Малая земля», «Возрождение» и проч.»⁵.

В анекдотах, разумеется, многое предстает в утрированном виде, но вымысла в них немного. И. Дедков уже через несколько месяцев после публикации трилогии в журнале «Новый мир» назвал в дневнике подлинные имена авторов: «Авторство, выходит, такое: «Малая земля» — А. Сахнин, «Возрождение» — А. Аграновский, «Целина» — А. Мурзин. И не единой встречи с главным

---

¹ Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014. С. 292.

² Там же, с. 294

³ Там же, с. 294

⁴ Там же, с. 294.

⁵ Там же.

Автором. Сказали: любые документы, любые факты, все шло — по бумагам»⁶.

Источником анекдота о необходимости согласовывать планы стратегических операций с полковником Брежневым вполне мог стать эпизод из «Малой земли», который ясно показывает, что мемуарист относится к Г. К. Жукову без особого пиетета. Маршал хотел бы поговорить с начальником политотдела 18 армии, но тот, узнав, что это не приказ, а всего лишь просьба, уклоняется от встречи: «Мне <...> лучше в тяжелый момент не покидать плацдарм. Так я и поступил: остался с бойцами на Малой земле»⁷.

Имя Жукова появляется на страницах «Малой земли» только один раз и, что примечательно, на одной странице с именем Сталина. Оказывается, что и наркому обороны без информации полковника Брежнева также очень трудно представить реальную картину происходящего на фронте: «Решив сбросить нас в море, Гитлер на этом участке фронта поставил на карту все. Создавалось тяжелое положение. Тогда Военный совет 18-й армии, а практически я, написал письмо-обращение к малоземельцам. Оно пошло по окопам и блиндажам. Люди резали руку и расписывались на нем кровью. Один экземпляр я послал позже И. В. Сталину, чтобы он понял, как дерутся бойцы» (с. 39). Брежневу есть чем гордиться перед Сталиным: он автор почти сакрального текста, подписанного кровью множества людей, а Верховный Главнокомандующий ничем подобным похвастаться не может.

Впрочем, триумф Брежнева-скриптора сомнителен, ведь описанная им ситуация весьма неоднозначна. Загадочная формула «Военный совет, а практически я, написал...» не дает возможности твердо установить, какой же все-таки процент текста принадлежит Брежневу? А значит в отношении письма-обращения к малоземельцам, как и в отношении ко всей мемуарной трилогии, остро встает проблема авторства. Крайне двусмысленно выглядит жест красноармейцев, подписывающих кровью

---

⁶ Дедков И. А. Дневник. 1953-1994. М., 2005. С. 243.

⁷ Брежнев Л. И. Малая земля. М., 1978. С. 42. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

письмо с призывом превратить Малую землю «в большую могилу для гитлеровцев» (с. 39).

В культурной традиции кровью чаще всего подписывают договор о продаже души дьяволу. Этот мотив встречается, например, в «Народной книге» Шписа (1587) о докторе Фаусте⁸. Однако в литературе нового времени кровавая расписка упоминается обычно в ироническом контексте. Уже у Гёте на требование Мефистофеля: «Изволь тут расписаться каплей крови» — Фауст отвечает: «Вот вздор! Но будь по-твоему: бери./Какие-то ходульные условия!»⁹.

Откровенно комична сцена с чертом в повести Гоголя «Ночь перед рождеством»:

«— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал. — Ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ чёрта за хвост»¹⁰.

В XX веке кровавые клятвы перемещаются в сферу детских игр. Юрий Никулин вспоминает, что в придуманный его приятелем «Союз Красной маски» можно было вступить, дав клятву. «Клятву мы подписывали кровью — выдавливали ее из пальцев, предварительно уколов их гвоздем»¹¹.

В такого рода контекстах брежневский пример воинской доблести приобретает характер пародии.

Скрытый комизм обнаруживается в другом фрагменте книги, где тоже фигурирует имя Сталина. Брежнев вспоминает, как в 1940 году он, в то время секретарь Днепропетровского обкома по оборонной промышленности, проводил совещание лекторов: «А был, как известно, заключен договор о ненападении

---

⁸ Легенда о докторе Фаусте. М., 1978. С. 42–43.

⁹ Гете И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. «Фауст». Трагедия. М., 1976. С. 62.

¹⁰ Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений: в 5 т. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 1960. С. 177.

¹¹ Никулин Ю. Почти серьезно... М., 2003. С. 42.

с Германией, в газетах публиковались снимки встреч Молотова с Гитлером, Риббентропа со Сталиным, договор обеспечивал нам необходимую передышку, давал время для укрепления обороноспособности страны, но не все это понимали». Брежнев вроде бы и оправдывает пакт Молотова-Риббентропа, но упоминание фотографий, на которых улыбающийся Сталин жмет руку нацистскому министру иностранных дел, заставляет усомниться в его лояльности к вождю. А далее Брежнев, по сути, и вовсе ставит под сомнение правильность решения высшего руководства страны. На реплику одного из партийных агитаторов: «Товарищ Брежнев, мы должны разъяснить о ненападении, что это всерьез, а кто не верит, тот ведет провокационные разговоры. Но народ-то мало верит. Как же нам быть? Разъяснить или не разъяснить?» — Брежнев ответил: «Обязательно разъяснить. До тех пор, товарищи, будем разъяснять, пока от фашистской Германии не останется камня на камне!» (с. 15-16).

Брежнев переходит на язык булгаковского Шарика из «Собачьего сердца». Очутившись в кабинете профессора Преображенского, пес первым делом замышляет: «А сову эту мы разъясним...»¹². И впоследствии действительно «разъясняет». Для Булгакова важно, что язык Шарика — это еще и язык пролетарской власти. Вторгшиеся в квартиру Преображенского соратники Швондера выражаются точно так же: «Знаете ли, профессор, — заговорила девушка, тяжело вздохнув, — если бы вы не были европейским светилом и за вас не заступались бы самым возмутительным образом (блондин дернул ее за край куртки, но она отмахнулась) лица, которых, я уверена, мы еще разъясним, вас следовало бы арестовать!»¹³.

Конечно, у читателей конца семидесятых параллель между «Малой землей» и тогда еще не опубликованным в СССР «Собачьим сердцем» возникнуть не могла. Гипотетически ее мог запрограммировать истинный автор книги Аркадий Сахнин,

---

¹² Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 1989. С. 130.

¹³ Там же, с. 140.

некоторое время работавший корреспондентом газеты «Гудок». Повесть «Собачье сердце» писалась в январе-мае 1925 года, когда Булгаков еще числился сотрудником «Гудка». Разумеется, непосредственно писательские пути Булгакова и Сахнина не пересекались, но память о «золотом веке» газеты, когда в ней работали В. П. Катаев, И. А. Ильф, Е. П. Петров и другие прославившиеся впоследствии писатели, в редакции не могла не сохраниться.

Хорошо различима переключка мемуарного текста Сахнина-Брежнева с автобиографической книгой еще одного знаменитого «гудковца» — Ю. Олеша. В дневниковой записи от 18 апреля 1954 года Ю. Олеша приводит едва ли не самое дорогое для него воспоминание из времен гражданской войны: «Однажды, когда я возвращался по улицам темной, блокированной английским крейсером Одессы, вдруг выбежали из-за угла матросы в пулеметных лентах и, как видно, совершая какую-то операцию, тут же вбежали в переулок. Затем один выбежал из переулка и спросил меня, в тот ли переулок они попали, как называется... И я помню, что он крикнул мне, спрашивая:

— Братишка!

Я был братишкой матросов!

Как только не обращались ко мне за жизнь — даже «маэстро»! «Браво, маэстро!» — кричал мне болгарин Пантелеев, концертмейстер, на каком-то вечере поэтов в Одессе. Но когда мне бывает на душе плохо, я вспоминаю, что именно этот оклик трепетал у меня на плече:

— Братишка!»¹⁴

Как и для Олеша, для Брежнева матросское обращение «братишка» — знак наивысшего признания, оно превышает любого титула или чина и становится предметом гордости: «Запомнился вынырнувший из темноты морячок, который нес какой-то груз.

— Помоги немного, братишка, — попросил он. — Для всех несущих» (с. 32).

Примечательно, что звание «братишка» политрук 18 армии удостоился в присутствии членов комиссии Центрального

---

¹⁴ Олеша Ю. Избранное. М., 1974. С. 518.

Комитета партии. Брежневу очень важна оппозиция «мы/они», выстраивая ее, он специально подчеркнул: московские гости «первый раз попали в наши условия» (с. 32). Видимо, не случайно местоимение «мы» относится к числу самых частотных слов в книге. «Мы» — это суровое фронтовое братство, противопоставленное мягкотелому тылу, и полковник Брежнев, в отличие от столичных эмиссаров, — полноправный член этого братства. Смысл данного эпизода, конечно, не просто в демонстрации своей простоты и демократичности — автор «Малой земли» занят корректированием устоявшейся концепции Победы.

В первые послевоенные годы организатором и вдохновителем Великой Победы, естественно, считался товарищ Сталин. Позже в ранг маршала Победы возвели Г.К. Жукова. «Наметившаяся в годы «оттепели» и раннего «застоя» переоценка мемориальных ценностей способствовала <...> постепенной деперсонификации образа победителя и признания таковым (хотя с определенными оговорками) советского народа в целом»¹⁵. По мнению А. Попова, попытка в этих условиях «закрепить статус «творца Победы» за коммунистической партией, персонифицированной в канонизируемом образе политрука Брежнева, не могла не вызвать отторжения»¹⁶.

Историософия автора «Малой земли» сориентирована на толстовскую модель. В романе «Война и мир» мудрый Кутузов понимает, «что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти»¹⁷.

---

¹⁵ Попов А. Полковнику никто не верит? Героизация военных страниц биографии Л. И. Брежнева как камертон исторической памяти // Новое литературное обозрение. 2019. № 3(157). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/3/polkovniku-nikto-ne-verit.html>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 6. Война и мир. М., 1980. С. 256.

Брежнев очень последовательно, на многочисленных примерах доказывает, что ни одна операция, не важно, разработана она в немецких или в советских штабах, не идет по плану: «Часто бои разворачиваются не совсем так, а иногда и совсем не так, как рисовалось на штабных картах. И тогда поистине бесценны становятся отвага, преданность, инициатива каждого командира и политработника, каждого солдата и матроса» (с. 26). Вот почему вполне по-толстовски на станицах «Малой земли» умалывается значимость полководцев, претендующих на роль творцов истории. Главное — не планы сражений, а дух войска, который формируют политработники: «Настоящий политработник в армии — это тот человек, вокруг которого группируются люди, он доподлинно знает их настроения, нужды, надежды, мечты, он ведет их на самопожертвование, на подвиг. И если учесть, что боевой дух войск всегда признавался важнейшим фактором стойкости войск, то именно политработнику было доверено самое острое оружие в годы войны. Души и сердца воинов закалял он, без чего ни танки, ни пушки, ни самолеты победы нам бы не принесли» (с. 48).

В полемическом задоре Брежнев даже дает понять, пусть не слишком отчетливо, что сама битва на Малой земле — результат стратегической ошибки в планировании операции: «Демонстративный десант был превращен во вспомогательный, а затем стал основным. С него и началась эпопея Малой земли» (с. 26).

Поскольку эпической полноты и всеохватности по образцу романа Толстого в 40-страничной брошюре достичь, конечно, невозможно, особенно заметной становится противоречивость авторской исторической концепции. Настаивая на руководящей роли партии, Брежнев невольно способствует подрыву авторитета Власти.